

А. С. Колесников, Ю. Н. Стрижак

Персоналии диалога культур России и Востока: Э. Э. Ухтомский

Проблема диалога культур находит оригинальное выражение во взглядах малоизученного, но интересного русского мыслителя Эспера Эсперовича Ухтомского (1861—1921) — дипломата, путешественника, своеобразного религиоведа конца XIX — начала XX вв. Ухтомский отразил особенности интеллектуальной атмосферы той эпохи — интерес к Востоку, к Азии, попытки сравнения культур России, Востока и Запада, религий — буддизма, индуизма, конфуцианства и православия, размышлений о месте и роли России по отношению к этим двум великим культурным регионам, поиски выхода из европоцентристской парадигмы. Одним из самых болезненных для него вопросов был вопрос о «вселенской миссии» России и русской культуры по отношению к другим культурам мира, и прежде всего для Китая, Монголии и Тибета, и эта миссия понималась им как взаимное проникновение с культурой Востока. В отличие от многих современников, Ухтомский был настроен скорее почвеннически и подчеркивал то, что русская культура никогда не будет принята Западом на равных, хотя и не отрицал множество благ, которые можно заимствовать из западной культуры. Главное при этом — правильно использовать их. Хотя его трудно отнести определенно к какому-то конкретному направлению в философии, он, безусловно, не западник, но и не славянофил. Он воспринимает Россию как одну из множества культур, самобытную, но ничем принципиально среди них не выделяющуюся. Невозможность полноценного принятия Западом русской культуры связана, по-видимому, с тем, что Россия находится на стыке двух миров и включает в себя не только обширные территории с населением, принадлежащим к восточной культуре и цивилизации, но и значительную инокультурную компоненту. Проблемой же для России является то, что она идентифицирует себя по преимуществу с западной культурой, и это затрудняет для нее принятие своей восточной составляющей. Можно в этом найти некоторое влияние философии В. С. Соловьева, учеником которого был Э. Э. Ухтомский: впрочем, в отличие от Соловьева, Ухтомский в вопросе о диалоге культур ориентировался не столько на христианские ценности, сколько на принцип взаимного уважения и взаимопроникновения культур.

Проблема диалога культур в контексте понимания «другого» в то время, как и сейчас, актуальна остротой различных межрегиональных и межнациональных конфликтов, ибо взаимодействие культур и их диалог — это наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений, необходимая для разрешения противоречий и конфликтных ситуаций современного мира. Понятие диалога в данном случае выступает и применяется в качестве способа «цивилизованного сосуществования» культур, искусств и различных школ гуманитарного взаимопонимания и взаимодействия различных народов, сообществ и культур.

Особое место в проблеме диалога культур занимает диалог Востока и Запада. Р. Генон считал, что «до тех пор, пока на Западе существовали традиционные цивилизации, для противостояния Востока и Запада не было оснований. Противостояние имеет место лишь в случае современного Запада, поскольку речь идет, скорее, о противоположности двух типов сознания, нежели двух более или менее определенных географических реальностей»¹. П. Чаадаев отмечал, что географическое положение России таково, что «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум»². Несомненно, «обсуждение российского развития всегда начинается с определения места России между Востоком и Западом»³.

Вопрос о месте и роли России во всемирной истории, специфике ее собственной истории и культуры, о своеобразии ее государственности, политической истории страны и народа пытаются выяснить, обращаясь к старой философско-исторической схеме Восток-Запад. Как бы при этом ни понимались исходные понятия — элементы этой классической схемы, Россию считают либо принадлежащей Западу или Востоку, либо имеющей собственную специфику, а поэтому не совпадающей ни с Западом, ни с Востоком. В последнем случае возможно несколько самостоятельных позиций. Г. В. Плеханов считал, что Россия как бы колеблется между Западом и Востоком; Н. А. Бердяев объявлял её великим Востоко-Западом или Западо-Востоком; молодой Вл. Соловьев предсказывал ей великую роль в объединении Запада и Востока на основе истинного христианства; позже он рассматривал ее как такую «третью силу», которая прямо не зависит ни от Востока, ни от Запада, образуя особый евразийский мир, вполне сопоставимый с первыми двумя, хотя своеобразный и неповторимый. Таких позиций сейчас более десятка⁴.

Вот почему является весьма важным изучение взглядов мыслителей, занимавшихся данным вопросом и мало исследованных. Среди них особое место принадлежит князю Э. Э. Ухтомскому — философствующему ориенталисту, коллекционеру, дипломату, писателю, поэту, редактору-издателю газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1896—1917). Ему принадлежат труды, присущие историкам и этнографам, в которых постоянно присутствует философская составляющая⁵. Насыщенная событиями жизнь напрямую вовлекла его в грандиозное

¹ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, с. 152.

² Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Серия: Памятники философской мысли. М., 1991, с. 146.

³ Федотова В. Г. Судьба России в зеркале методологии. М., 1997, с. 52.

⁴ Ерыгин А. Н. Восток. Запад. Россия. Ростов-на-Дону, 1993.

⁵ Полонская Л. Р. Между Сциллой и Харибдой (Проблема Россия — Восток — Запад во второй половине XIX в. К. Леонтьев, Э. Ухтомский, Вл. Соловьев) // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. Памяти Н. А. Иванова. М., 1997, с. 271—285.

столкновение культур, он был современником русско-японской войны и боксерского восстания в Китае. В это время Россия упрочила свое положение на Востоке, заключив договоры с Китаем о дальневосточных землях, которые практически без изменений остались и в наши времена. Эспер Эсперович видел, как развивались взаимоотношения между китайским народом его культурой и европейскими захватчиками — носителями европейской культуры, и как Россия была принята теми и другими. У князя был свой взгляд на положение своей страны и на пути ее развития в контексте Запада и Востока. И жаль, что Э. Э. Ухтомский в наши дни редко упоминается даже в специальной литературе, а его труды незаслуженно забыты.

Э. Э. Ухтомский — представитель древнего княжеского рода Ухтомских, ветви дома Рюриковичей, включающей в число предков по женской линии Юрия Долгорукого и хана Батая. Его отец, Эспер Алексеевич (1834 или 1832—1885)⁶, мать — Дженни Алексеевна (урожденная Грейг, 1835—1870)⁷. Эспер Эсперович окончил гимназию при историко-филологическом институте (1880) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Занимался изучением философии и славянской филологии сначала у М. И. Владиславлева, а затем у В. С. Соловьева, с которым у него сложились дружеские и творческие связи.⁸ Стихи он начал писать еще в отрочестве, но в печати первая поэтическая работа Эспера Эсперовича (посвященная 100-летию В. А. Жуковского) появилась в аксаковской газете «Русь» при содействии Соловьева. В конце жизни Эспер Эсперович вспоминал, что Соловьев пытался составить ему протекцию

⁶ Морской офицер, участник обороны Севастополя, кругосветного плавания на корвете «Витязь» и похода И. С. Унковского на фрегате «Аскольд» в Нагасаки, капитан 1 ранга (1870), с 1881 помощник морского агента в Австрии и Италии, один из основателей Товарищества Русского Восточного пароходства, осуществлявшего рейсы в Индию и Китай.

⁷ Была внучкой адмирала эпохи Екатерины II, героя Чесменского сражения С. К. Грейга.

⁸ Межуев Б. Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов. К предыстории «имперского либерализма». На сайте Русский архипелаг: Межуев Борис. Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века. Русский архипелаг. — http://ru.wikipedia.org/wiki/Э.Э.Ухтомский#cite_note-1.

Предположительно в январе 1881 г. Соловьев познакомил Э. Э. Ухтомского с графиней С. А. Толстой, вдовой поэта и писателя А. К. Толстого (1817—1875) и с С. П. Хитрово. Он собирался отвести его и к Достоевскому, но тот умер как раз накануне того дня, когда должен был состояться этот визит.

У Э. Э. Ухтомского была на Васильевском острове маленькая студенческая квартира. Сюда собирались товарищи-студенты, приезжал и Соловьев, который оставался иногда за полночь. Собирались не больше 15—20 человек. Кроме студентов университета, бывали и студенты привилегированных высших учебных заведений Петербурга: Пажеского корпуса, Александровского лицея, Училища правоведения. Разговоров на политические темы не велось. Своих философских воззрений Соловьев тоже не развивал, говорил то с одним гостем, то с другим, о чем придется.

при университете и «одобрял» его стихи⁹. В 1884 г. Эспер Эсперович, написав выпускную работу о свободе воли, получил степень кандидата и серебряную медаль.

После сближения в 1884 г. с плодовитым писателем, консервативным публицистом и редактором газеты «Гражданин» князем В. П. Мещерским Ухтомский сделался завсегдаем его «поэтических сред»¹⁰. Вл. Соловьев называл Мещерского «Содома князь и гражданин Гоморры», имея в виду особенности его личности. Вплоть до своей смерти Достоевский, бывший краткое время редактором «Гражданина», по-прежнему оставался желанным гостем на «средах» у князя. Министр путей сообщения А.К. Кривошеин, члены Государственного совета петербургский градоначальник П.А. Грессер и управляющий Дворянским и Крестьянским банками А. А. Голенищев-Кутузов. Все эти государственные деятели, так или иначе обязанные Мещерскому своей карьерой, собирались по средам на квартире Мещерского для беседований, и эти собрания князь самодовольно называл «форумом».

Вскоре после окончания университета Ухтомский по протекции своего университетского знакомого графа А.Ф. Гейдена (1859—1919)¹¹ поступил в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. На службе он выполнял поручения, связанные в основном с организацией дипломатических встреч представителей восточных держав с высокопоставленными российскими чиновниками и самим императором.

Еще в студенческие годы он начал серьезно интересоваться буддизмом и Востоком. Составленная им в это время библиография работ по истории, религии, культуре и искусству народов Центральной, Южной Азии и Дальнего Востока охватывает почти всю специальную литературу по этим вопросам, существующую в то время (ЦГИА, Ф. 1072, оп. 2 № 215, 1, № 1).

Востоковедные интересы Ухтомского не остались незамеченными начальством, и ввиду его занятий буддизмом ему было поручено «практически ознакомиться с племенами, эту веру в наших пределах исповедующими». Именно так в 1886 г. и началось его непосредственное соприкосновение с Дальним Востоком (Забайкалье, Приамурье, Монголия, Китай). (Рукописный отдел Института русской литературы. Ед. хр. 88366, 31 № 333, л. 3).

Поездки оказались весьма плодотворными. Он собирает данные о быте бурят, легенды, объяснения по поводу символики и назначения предметов культа. Особое внимание Ухтомский уделяет случаям насильственного крещения бурят —

⁹ Современники невысоко оценивали качество стихов Э. Э. Ухтомского. Так, А. Н. Апухтин говорил, что однажды князь принес ему стихи, «в которых я сделал открытие, что их с одинаковым успехом можно читать и сверху и снизу». Однако в 1902 г. вышел сборник стихов Эспера Эсперовича «Из прошлого», а в 1913 г. была произведена допечатка нового расширенного издания.

¹⁰ См.: Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004.

¹¹ Сколько известно, он до конца своих дней оставался верен памяти Вл. Соловьева. Э. Э. Ухтомский познакомился с Соловьевым у графа А. Ф. Гейдена в конце 1880 г.

ламаистов и других фактам произвола местных властей. Все собранные сведения сведены в 1115 рукописных страниц большого формата (ЦГИА ф. 821, оп. 133, ед. хр. 422). В 1886—1890 гг. посетил буддийские монастыри Забайкалья, проехал Монголию от Кяхты до Великой стены, был в ламаистских святилищах Пекина (От калмыцкой степи до Бухары. С. 20)¹².

Во время своих командировок Ухтомский собирал предметы восточного искусства, которые в дальнейшем оказались в составе фондов РЭМ, МАЭ и Эрмитажа. Особенно значительна его коллекция по ламаизму (около 3,5 тыс. предметов), хранящаяся в Эрмитаже¹³. Ухтомского можно назвать одним из практических знатоков буддийской традиции в России своего времени. В 1900 г. в обобщающем труде немецкого ученого Альберта Грюнведеля по буддизму в Тибете и Монголии¹⁴ впервые были использованы материалы коллекций Ухтомского, а сам он написал вводную статью.

Наиболее известный эпизод творческой биографии Ухтомского — кругосветное путешествие с наследником престола Николаем Александровичем в 1891 г. С. М. Волконский (1860—1937) сообщал, что в составе экспедиции обязательно должен был находиться человек, «который бы мог служить путеводчиком и впоследствии составить описание путешествия». Мать Волконского через свою тетку княгиню Елену Павловну Кочубей, в то время бывшую обергофмейстериней при императрице Марии Феодоровне, обратила внимание на востоковедные интересы Ухтомского. Поездка длилась 9,5 месяцев — Николай со свитой посетил Египет, Индию, Китай, Японию, некоторые страны Юго-Восточной Азии и вернулся в Санкт-Петербург через Владивосток, Забайкалье и Сибирь. Написанная Ухтомским книга поставила его в центр общественного внимания и сделала его имя известным по всей России.

Книга Э. Э. Ухтомского, по словам Волконского, «громоздкая, тип русского “роскошного издания”: огромный формат, лоснящаяся бумага, тисненый коленкорный переплет и безвкусные иллюстрации Каразина» — вышла в трех томах

¹² Ухтомский Э. Э.: 1) Из прошлого, СПб., 1902; 2) Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904. — 129 стр. (книга, в частности, обнаруженная в Яснополянской Библиотеке Л. Н. Толстого); 3) От Калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891; 4) О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. — 48 с. 5) К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. — 87 с. 6); Из китайских писем. СПб., 1901. — 31 с. 7) Из путевых заметок и воспоминаний. СПб., 1904. 8) Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. — 28 с. 9) В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в дальние века. СПб., 1907. — 41 с. См. также: Коробов В. Б. Дальневосточные экспедиции князя Э. Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha — <http://www.russianresources.lt/dictant/Materials/Esper.html>

¹³ Леонов Г. А. Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск, 1985, с. 101—116.

¹⁴ Gruenwedel A. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Leipzig, 1900.

в 1893—1897 гг.¹⁵ Это было первое такого рода и такого объема популярное издание по культуре зарубежного и русского Востока на русском языке. Она была переведена на английский, немецкий и французские языки. Зарубежные исследователи и специалисты оценили ее по достоинству. Ее даже выдавали в качестве награды за успехи в учебе в учебных заведениях России. После возвращения Э. Э. Ухтомский был избран действительным членом Русского географического общества. Это была прогрессивная научная организация, с ней он активно сотрудничал, вошел в круг профессиональных востоковедов, что имело огромное значение в последние годы его жизни. В дальнейшем его постоянно привлекают в качестве консультанта к решению внешнеполитических проблем России на Дальнем Востоке и вопросов, связанных с национальной политикой правительства в восточных районах страны.

В пути у наследника установились доверительные отношения с Э. Э. Ухтомским, не прекращавшиеся и в первые годы царствования Николая II. Вероятно, именно за свои историографические заслуги Ухтомский получил чин камер-юнкера (1896) и право аренды ведущей столичной газеты — «Санкт-Петербургские ведомости» (с 01.01.1896).

С конца 1890-х гг. до 1905 г. князь Ухтомский возглавлял Русско-китайский банк и правление Маньчжурской железной дороги. С 1896 по февраль 1917 гг. был редактором-издателем «Санкт-Петербургских ведомостей». Свою известность использовал для пропаганды и реализации своих востокофильских взглядов. Он всю жизнь стремился к улучшению положения местных жителей. Неоднократно обращался к Николаю II с просьбами принять бурятскую и калмыцкую депутации с петициями; поддерживал немногочисленных представителей национальной интеллигенции, пытался привлечь внимание царя к неудовлетворительному положению в сфере образования и здравоохранения на национальных окраинах, горячо защищал начала законности и гуманности, высказывался против административного произвола, отстаивал веротерпимость и местное самоуправление. Газете реформистские и либеральные настроения редактора стоили ряда предостережений и запретов на розничную продажу до трех месяцев, особенно во времена министра внутренних дел В. К. Плеве.

Санкт-Петербургские ведомости под руководством Ухтомского стали важнейшим печатным органом, ориентирующимся на линию Витте (российской либеральной бюрократии). Здесь в 1890-х и в 1900-х гг. активно печатались друзья Соловьева — Д. Н. Цертелев и С. Н. Трубецкой. В 1903—1904 гг. редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» являлся А. А. Столыпин. В газете Ухтомского Вл. Соловьев выступил 18 ноября 1896 г. с программной статьей «Мир Востока и Запада», наиболее четко отражавшей его «либерально-имперские» воззрения тех лет.

¹⁵ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. Т. I—III. СПб., 1893—1897. Этот труд создавался в течение шести лет, и тома публиковались по мере подготовки.

По смерти Соловьева в 1900 г. Ухтомский стал одним из лидеров Соловьевского общества, регулярно обсуждавшего «наболевшие вопросы иноверия и инородчества», в том числе необходимость уравнивания прав и прекращения репрессий в адрес духоборов и молокан, евреев и армян.

Во время событий на Дальнем Востоке князь Ухтомский, вообще склонный идеализировать азиатский быт и переносить центр русской исторической жизни в Азию, выступил в брошюре: «К событиям в Китае» и других статьях с идеей союза между Россией и Китаем¹⁶. Приведем его высказывания. «Между Западной Европой и азиатскими народами лежит огромная пропасть, а между русскими и азиатами такой пропасти не существует»¹⁷. «Для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно пойти на пути падения, потому что Европа сама по себе нас, в конце концов, подавит внешним превосходством своим, а не нами пробуждённые азиатские народы будут ещё опаснее, чем западные иноплеменники»¹⁸.

На дипломатическом поприще известна посредническая деятельность Ухтомского в русско-тибетских и особенно русско-китайских делах. Накануне коронации Николая II, в апреле 1896 г. в Россию прибыло посольство во главе с фактическим министром иностранных дел Китая — Ли Хун-чжаном (1823—1901). Встреча и проводы Ли Хун-чжана в Санкт-Петербурге, «минуя иностранные государства», по распоряжению С. Ю. Витте были поручены Ухтомскому. В Одессе китайского сановника ждал пышный прием, затем, в обход предписаний некоторых высокопоставленных российских чиновников, Ли Хун-чжан отправился в Санкт-Петербург на секретную встречу с Николаем Александровичем перед коронацией. Китаю были обещана военная помощь против Японии, для чего предполагалось построить железную дорогу к одному из портов в Желтом море.

Для подписания договора в 1897 г. было направлено в Китай ответное посольство во главе с Ухтомским. Глава посольства как будто не имел определенного статуса (по официальному запросу из Санкт-Петербурга были подтверждены его полномочия «чрезвычайного посланца»), и в российской миссии он был принят довольно холодно. С китайской стороны Ухтомскому и его миссии был обеспечен роскошный прием в Пекине.

Сотрудник российской миссии в Китае Ю. Я. Соловьев (1871—1934) в своих воспоминаниях писал, что Ухтомский был «полностью незнаком» с Китаем и на официальных церемониях допускал разнообразные отступления от церемониала. В целом результаты миссии Ухтомского он оценивает скептически: в Пекине

¹⁶ Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. См. также мнение Ларюэль, Марлен. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века. Русско-японская война. Взгляд через столетие. — http://www.polit.ru/research/2004/10/11/laquelle.html#_ftnref5.

¹⁷ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998, с. 102.

¹⁸ Там же, с. 103.

было открыто лишь отделение Русско-Китайского банка, а все переговоры об отчуждении железной дороги через Маньчжурию (КВЖД) к Порт-Артуру не получили документального оформления. После трехнедельного пребывания в Пекине члены миссии Ухтомского «начали постепенно разъезжаться и уже без всякого церемониала». Лишь через несколько лет, после прямого подкупа Ли Хун-чжана, вопрос об отчуждении КВЖД и Порт-Артура был решен положительно.

Во время пребывания в Китае Ухтомского посетил представитель Далай-ламы, Агван Доржиев, с которым во многом связана другая страница дипломатической деятельности Ухтомского — русско-тибетские отношения¹⁹. Уже в 1898 г. Ухтомский организовал встречу Доржиева, как неофициального посланника Далай-ламы, с Николаем II. Цель переговоров — военная помощь Тибету против экспансии англичан. Переговоры, однако, не достигли своей цели — император посоветовал, чтобы Далай-лама обратился к нему лично в письменном виде. Однако в 1904 г. в Тибет в виду обострения тибето-английских отношений была все же направлена научно-разведывательная миссия Нарана Уланова (1867—1904) и Дамбо Ульянова. Ухтомский обратился с просьбой к Николаю II принять руководителей этой экспедиции и дать свое напутствие, так как «люди, возможно, идут на смерть и могут никогда не увидеть родины». Учитывая секретный характер миссии Уланова, официальный прием российским императором ставил под удар отношения России и Англии.

Экспедиция Уланова была в целом удачной, однако сам руководитель умер от горной болезни в Тянь-Шане. По возвращении в Россию в 1906 г. Д. Ульянов передал свои записки о путешествии в Тибет, и они были опубликованы несколькими очерками в «Санкт-Петербургских ведомостях». В это время Тибет был уже завоеван англичанами и превращен в марионеточное государство. Недаром свою работу «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет» Ухтомский начинает словами: «Мы опоздали! Англичане готовятся властно вторгнуться в царство Далай-ламы»²⁰.

Все же основными занятиями Э. Э. Ухтомского были журналистика и поэзия, о чем свидетельствуют его работы, начиная «От Калмыцкой степи до Бухары» (1891) и заканчивая очерками «В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в дальние века» (1907). По свидетельству С. М. Волконского, «Санкт-Петербургские ведомости» Ухтомского оказались той единственной газетой в России, где подымались вопросы интересов представителей других вероисповеданий «в тех пределах безбоязненности, которые вообще были

¹⁹ Инициаторами постройки Храма Будды в Санкт-Петербурге были Тубдан-Чжамцо (1876—1933) — 13-й Далай-лама Тибета и Агван Лобсан Доржиев (1854—1938) — ученый бурятский лама, служивший у Далай-ламы старшим советником. Благодаря протекции Ухтомского он получил несколько аудиенций у Николая II, обрел влиятельных покровителей в великосветском обществе, проявлявших сочувствие к «тибетскому вопросу».

²⁰ Ухтомский Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904, с. 2.

допустимы по тогдашним цензурным условиям». Кроме того, Ухтомский имел разрешение письмом испрашивать себе аудиенции у Николая II, однако его визиты не увенчивались практическими результатами.

Во время подготовки книги, посвященной путешествию наследника Николая Александровича на Восток, Ухтомский написал сочинение, в котором рассматривались ламаистские культы, и по ходу объяснялись их базовые понятия («Теоретическая сторона ламайского вопроса»). В этой работе он упоминает о некоей тайной книге (так называемой «Книге Юнглея Мансурова»), скопированной им в 1891 г. в Цугольском дацане (Забайкалье). Он вывез копию в Санкт-Петербург и распространил в кругу известных поэтов Серебряного века — А. И. Введенского, А. А. Блока, Н. С. Гумилева, А. М. Ремизова и др. Литераторы, в частности А. А. Блок, достаточно серьезно отнеслись к этому произведению, поскольку доверяли Ухтомскому как знатоку буддийского Востока.

Вплоть до Февральской революции 1917 г. Ухтомский оставался редактором-издателем «Санкт-Петербургских ведомостей», проживая по адресу: Шпалерная, дом 26. Затем он устранился от должности и переехал в Царское Село, в дом, принадлежащий его сыну, Дию Эсперовичу, который в то время находился на фронте, а его семейство проживало в Москве. В 1918 г. Дий Эсперович заболел скоротечной формой туберкулеза и вскоре умер. По смерти сына Ухтомский обратился к ученому-историку С. Ф. Платонову с просьбой предоставить какую-либо должность по архивной части. По всей видимости, просьбу удовлетворили. Согласно удостоверению, выданному Ухтомскому в 1920 г., он являлся ассистентом-хранителем Дальневосточного отделения Русского музея, научным сотрудником Академии истории материальной культуры, а также сотрудником ряда учреждений — Пушкинского дома, Музея антропологии и Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии. С. М. Волконский вспоминал, что в последние годы Эспер Эсперович «занимался исследованиями по русской истории удельного периода», то есть работал по тематике школы Платонова. В октябре 1921 г. он скончался от воспаления легких.

Современники оценивали творчество Э. Э. Ухтомского достаточно сдержанно, а его роль в международной политике не нашла однозначной квалификации. Некоторые обвиняли его в пособничестве имперскому экспансионизму России, приведшему к поражению в Русско-японской войне: якобы это он приблизил к царю А. М. Безобразова (1855–1931) и поддерживал вдохновенную им партию войны, интересы которой привели к отказу от раздела сфер влияния (Японии в Корее и России в Маньчжурии), что и стало поводом к войне.

В области внешней политики Э. Э. Ухтомский последовательно отстаивал курс на поддержку авторитета Маньчжурской династии. После поспешного захвата Ляодуна он встал в оппозицию к тогдашнему министру иностранных дел М. Н. Муравьеву, стремясь к возобновлению союзнических отношений с Цинским Китаем. Волнения 1900 г. и участие в их подавлении России не заставили Ухтомского отказаться от заветной мечты о духовном и политическом союзе

России и Азии. Он продолжал считать, что в отдаленном будущем России уготована миссия духовного успокоения Восточного мира, пробужденного алчным Западом. Пока же в преддверии всемирно-исторической развязки стране следует «незримо крепнуть среди северных и степных пустырей в ожидании спора двух миров, где не им обоим будет принадлежать решение». Мечтания Ухтомского о России, мирно усиливающейся в ожидании получения Чингисханова наследия — власти над Азией, оригинально дополняло прагматическую линию Витте (ближайшим сотрудником которого Ухтомский являлся), отстаивавшего ту же внешнеполитическую стратегию.

Неоднозначна и роль Ухтомского в общественной мысли России. Он примыкал к славянофильской группе, видевшей в опоре на Восток не вынужденную альтернативу доминированию Запада, но желанное будущее России. Несмотря на отрицание Ухтомским обвинений в панмонголизме, исследователи называют его «первым евразийцем» и т. п.²¹ Эта обращенность на Восток вызывала отторжение даже у его учителя Соловьева: для Ухтомского, защитника прав бурятского народа, важнейшей для России представлялась задача оградить Восточный мир от посягательств колониальных держав и стать гарантом и защитником его интересов. Ухтомский, в отличие от Соловьева, негативно оценил участие России в карательной акции восьми держав в 1900 г. против Боксерского восстания в Китае. В «Трех разговорах» Соловьев выступил как против панмонголизма, так и против славянофильства, указывая, что его представители от проповеди «греко-славянской самобытности» переходят к исповеданию «какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индейско-монгольской азиатчины»²². В этом можно увидеть критику им увлечения Э. Э. Ухтомского культурой и религиями Востока.

В отличие от Ухтомского, Вл. Соловьев стремился ценностно переориентировать дальневосточный курс России. Он полагал, что ей необходимо солидаризоваться с европейскими державами в противодействии потенциальной «желтой опасности». Наиболее страшным вариантом актуализации этой опасности стало бы, по мнению философа, возникновение панмонгольского движения, способного обеспечить надежную идеологическую платформу для японо-китайского альянса против Запада. Соловьев признавал разумность курса Витте на культивирование дальневосточного региона (точнее, на экономическое проникновение в него), видя в нем средство предотвратить нависшую над Европой угрозу панмонголизма, однако, как уже говорилось, в критической ситуации 1900 г. он склонен был оправдать призыв к решительной военной борьбе с Китаем, разойдясь по этому вопросу и с Ухтомским, и с Витте.

²¹ Полонская Л. Р. Между Сциллой и Харибдой (Проблема Россия — Восток — Запад во второй половине XIX в. К. Леонтьев, Э. Ухтомский, Вл. Соловьев) // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. Памяти Н. А. Иванова. М., 1997, с. 271–285.

²² Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. М., 1988, т. 2, с. 642–643, 693, 695.

Спустя четыре года после кончины Соловьева в брошюре «Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению» Ухтомский отреагировал на пророчества Соловьева и Трубецкого относительно угрозы панмонголизма напоминанием о «наследии Чингисхана», оставленном якобы вовсе не азиатам-китайцам, а империи русского царя: «Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, и нет, и быть не может. Все те идеи мирового господства (в пределах Старого Света), которыми жили и дышали величайшие монархи древнего мира и средневековья, всецело перешли в плоть и кровь русского народа, после столетий единоборства с татарами. Чингисы и Тамерланы, вожди необозримых вооруженных масс, создатели непобедимых царств и крепких духом широкодумных правительств, — все это закаливало и оплодотворило государственными замыслами долгополую, по-китайски консервативную, змеемудрую допетровскую Русь, образовавшую обратное переселению восточных народов течение западных элементов вглубь Азии, где мы — дома»²³. Отметим в этой связи, что история идей иногда складывается весьма любопытно: в 1920-х гг. концепцию «наследия Чингисхана» воскресил сын одного из основных оппонентов Ухтомского — евразиец Н. С. Трубецкой. Правда, его понимание «наследия Чингисхана» отличалось от представлений Ухтомского.

Оценивая работы Ухтомского, необходимо не упускать из виду то непонимание, которое существовало в российском обществе в отношении проблем, вскрытых и анализировавшихся Эспером Эсперовичем. Так, его первая работа «От Калмыцкой степи до Бухары» (1891), написанная на основе собранных им сведений во время пребывания в среднеазиатских владениях России, ставит очень важный вопрос: с одной стороны, Россия имеет огромный потенциал: «Не будь у нас крепкой цивилизованной мощи, разве в два века низовье Волги преобразовалось до неузнаваемости?», а с другой — «способны ли мы взаправду создать что-то путное там, за каспийским морем», если «с натуральной точки зрения Средняя Азия нами более или менее исследуется, с духовной — мы как будто не в состоянии освоиться»²⁴. Иными словами, без исследований и попытки понимания культуры азиатских народов и носителей оной нам никогда ничего путного не добиться. «Это какой-то психически замкнутый, очарованный мир, одно существование которого внутри нашей империи, сравнительно близко от столицы, со всеми характерными чертами принесенной издалека культуры, достойно глубокого внимания историков, этнографов и, вообще, специалистов по Азии». Он все время как бы полемизирует с теми, кто не желает заниматься «туземным вопросом»: «Не пора ли, наконец, приняться за серьезное изучение их быта и особенностей», «постоянно вникать в строй туземной жизни и симпатии к нам в китайских пределах». Дело в том, что непонимание и ошибки в этой политике

²³ Ухтомский Э. Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904, с. 6–7.

²⁴ Ухтомский Э. Э. От калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891, с. 7, 6.

приводят к плачевным последствиям, «еще отрицательней и печальнее сказывается на далекой сибирской окраине стремление властей, на основании одних лишь фантастических предположений, реформировать, а точнее насиловать жизнь не оседлого населения», тогда как местные «зрелые люди и духовные лица недружелюбно смотрят даже на слабые признаки чисто формального обучения», «все видимое благочестие сводится к тунеядству, легкой наживе»²⁵.

Неблагополучное положение виделось ему в экономическом освоении прикаспийского региона. Он с горечью писал: «Можно ли при таких условиях, когда Волга теряется в перехватывающей ее на пути земле, забывает ее царственное величие и свою красоту, дробится на притоки, можно ли, спрашивается, при таких условиях считать благоприятною для торговли речную дорогу из Средней Азии к сердцу России?». Незрелость коммуникаций в этом регионе неблагоприятно сказывается и на нашем взаимодействии с Востоком. «Мы далеко шагнули по дороге в Индию, но почему-то забываем, что параллельно надо создавать отличную каспийскую флотилию. Иначе половина желательных результатов будет уничтожена, иначе русские средства для мирового общения с Востоком окажутся слишком малы»²⁶.

Большая часть рассуждений Ухтомского касается взаимоотношений с Востоком, сравнения российского и западного подходов. Ухтомский отмечает, что и западный подход не правилен — он также не изучает культуры Востока как равные, представляя их как «ереси», с которыми надо бороться. Тогда как «Восток повсюду живет нормальнее Европы, там не понимают, что можно обращать ночь в день и наоборот». Конечно, он не может не отметить плюсы, привнесенные Европой (Россией) на Восток, — «государственная мудрость требовала приковать к себе кочевный мир неразрывными узами, провести гигантскую черту на юг от усмиренных степей, заставить ее лечь как раз там, где прежде прививалась цивилизация. Осуществить такую разумную мысль целесообразнее всего могла только железная дорога». В диалоге Восток-Запад, по мнению Ухтомского, Россия должна двигаться на сближение с Востоком, черпая в этой цивилизации силы и идеи для развития своей. «Искра тобою брошена на побережье Каспия, она раздувается в грозное пламя, охватываемая им Азия очищается этим неутомимым огнем, там истинное призвание России придти к возрождающимся мирам и самой обновится, самой молодеть среди очагов вековой восточной культуры»²⁷.

Ухтомский подчеркивал, что работа эта многоплановая, поскольку включает анализ религии калмыков, мусульман, проблемы панисламизма, археологические раскопки, этнографию, искусства Востока, исследование традиций, обычаев, верований. В определенном смысле труды Э. Э. Ухтомского во многом предвосхищали проблематику диалога культур Востока и Запада.

²⁵ Там же, с. 14, 25, 16, 18, 20.

²⁶ Там же, с. 28, 36.

²⁷ Ухтомский Э. Э. От калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891, с. 208, 71, 37.